

УДК 327.83(5-012)

Ковба Д.М.

Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами

Ковба Дарья Михайловна, аспирант очной формы второго года обучения Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

В статье рассматривается концепт «мягкая сила» в контексте его осмысления китайскими, японскими и южно-корейскими исследователями, сравнивается практическое использование инструментов «мягкой силы». Раскрываются особенности адаптации концепта в соответствии с социально-политическими и культурными особенностями государств.

Ключевые слова: «мягкая сила», внешнеполитическая стратегия, международная политика, общественная дипломатия, культурная дипломатия, дипломатия помощи, политические ценности.

В отечественных и зарубежных научных статьях и СМИ все чаще можно встретить термин «мягкая сила» («soft power»). Его авторство принадлежит Дж. Наю, американскому политологу, профессору Гарвардского университета, в прошлом занимавшему высокие правительственные посты – председателя Национального разведывательного совета (1993–1994), заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности (1994–1995) и др. Идеи Дж. Наю позволили по-новому взглянуть на интерпретацию понятия «сила», спровоцировали научные дебаты и стимулировали практическую сторону международной политики.

Впервые Дж. Най представил свой концепт в книге «Обреченные быть лидером: меняющийся характер американской власти»¹ и статье «Мягкая сила», вышедшей в журнале «Foreign Policy», а затем доработал его в последующих книгах и статьях. При знакомстве с этими произведениями важно учитывать контексты, в которых создавались данные работы: свою первую статью в «Foreign Policy» он написал в конце холодной войны, в 1990 г.: «Сейчас советская власть в упадке, но японская власть растет... США в конце XX века стали менее могущественными, чем они были в 1945 году»². В этой статье он писал о том, что США необходимо обратиться к новой форме силы (тогда он назвал ее «коопитивная сила» (co-optive power)), позволяющей государству изменить ситуацию таким образом, чтобы другие страны развивали предпочтения или определяли свои интересы так, чтобы они согласовались с его собственными интересами³. Изданный в 2002 г. «Парадокс американской власти» стал ответом на теракты, совершенные 11 сентября 2001 г. Книга 2004 г. «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» последовала за войной в Ираке и вызванным ею снижением привлекательности США в мире. Дж. Наю часто критикуют за слишком большое внимание, которое он уделяет роли США, желание сохранить доминирующее положение этой страны на мировой арене. Так, например, указывается, что Дж. Най смотрит на «мягкую силу» с точки зрения «представления американских целей более привлекательными для мира», он «пытается понять мир, не выходя из дома»⁴. Это утверждение отчасти справедливо, однако, следует отметить, что создатель концепта «мягкой силы» в своих произведениях предупреждает американских политиков об опасности односторонних действий, а в некоторых статьях обращается к опыту использования «мягкой силы» другими странами.

Дж. Най различает два типа власти: «жесткая власть» является «способностью заставить других действовать способами, которые противоречат их первоначальным предпочтениям и стратегиям»⁵. Это способность принуждать с помощью военных или экономических рычагов. «Мягкая сила» является «способностью к достижению целей за счет привлечения, а не принуждения»⁶. Ресурсами «мягкой силы», по мнению Наю, являются культура, которая привлекательна для других, политические ценности, популярные в стране и за рубежом и внешняя политика, считающаяся легитимной, имеющей моральный авторитет⁷.

¹ Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 1990, 336 p.

² Nye J. "Soft Power." *Foreign Policy* 8 (1990): 153.

³ *Ibid*, p. 168.

⁴ Womack B. "Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power." *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. N.p., 16 Nov. 2005. Web. 1 Aug. 2014. <<http://www.japanfocus.org/-Brantly-Womack/1975>>.

⁵ Nye J. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011, p. 11.

⁶ *Ibid*, p. X.

⁷ Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004, p. 10.

Благодаря усилиям Ная, а также заманчивой перспективе использования «мягкой силы» в качестве инструмента достижения политических целей, во многих странах мира началась теоретическая и практическая адаптация его теории. Восточноазиатские страны (Китай, Япония, Южная Корея) представили различные интерпретации теории «мягкой силы», отражающие отличительный контекст каждой страны, свой взгляд на западную, по своим истокам, теорию «мягкой силы». В этом отношении наиболее интересен случай Китая, политическая система которого далека от западного идеала. При этом важно учитывать, что, по мнению Дж. Ная, политика, политические ценности являются компонентами, способными формировать «привлекательность» субъекта политики.

В начале XXI в. Восточная Азия является регионом мира, где активно взаимодействуют все крупнейшие мировые силы: Россия, Китай, Индия, США и Япония. В регионе Соединенные Штаты Америки, хотя географически и не принадлежат данному региону, постоянно стремятся сохранить влияние инструментов «мягкой силы», в то время как растущие державы, такие, как Китай, предпринимают амбициозные попытки обретения влияния, которое бы соответствовало их экономической мощи. Кроме того, Южная Корея становится одним из влиятельных акторов, привлекающих другие государства своей культурой.

Из трех ведущих восточноазиатских стран (Китай, Япония, Южная Корея) **Китай** максимально адаптирует теорию «мягкой силы» в контексте собственного исторического опыта: считается, что «мягкую силу», хотя тогда она так не называлась, в Китае изучали и применяли еще в период Весен и Осеней¹, во время которого жили Конфуций и Лао-цзы². Книга Дж. Ная «Обреченные быть лидером: меняющийся характер американской власти» была переведена на китайский язык и издана в 1992 г. Первую китайскую статью о «мягкой силе» написал председатель департамента международной политики в университете Фудань и советник президента Цзянь Цзэминя Ван Хунин в 1993 г. – «Культура как национальная сила: мягкая сила». В этой статье Ван Хунин утверждает, что культура является главным источником «мягкой силы» государства. Китайские аналитики с тех пор следовали этому тезису: большинство китайских ученых, считающих, что ядро «мягкой силы» составляет культура, принадлежит к «культурной школе» («cultural school»).

Некоторые другие эксперты – специалисты в сфере международных отношений, не отрицая важности культуры, фокусируются на том, как используются ресурсы «мягкой силы». Они полагают, что ядром «мягкой силы» является политическая власть. Эти ученые составляют политическую школу («political school»). К ней, например, относится Янь Сюэтунь (Yan Xuetong), возглавляющий Институт международных проблем университета Цинхуа. Он полагает, что «мягкая сила» – способность государства к политической мобилизации внутри и вовне – это способность использовать материальные ресурсы, но сама по себе материальным ресурсом она не является». Он заявил, что наращивание культурной силы не означает укрепления «мягкой силы» государства³.

На XVII съезде КПК в 2007 г. «мягкая сила» была включена в основные цели китайского общества, после чего частота использования термина «мягкая сила» в научных журналах и в выступлениях китайских чиновников значительно возросла.

«Мягкая сила» в китайской интерпретации должна служить целям строительства социализма. Кроме того, целями стратегии «мягкой силы» КНР являются остановка распространения негативной информации о Китае, успокоение соседних и других государств мира, убеждение их в том, что стратегические намерения Китая являются конструктивными⁴. В Китае стратегию «мягкой силы» считают полезной и для реализации **внутренних целей** (усиление легитимности КПК, социальное развитие и консолидация общества).

Особенностью китайского дискурса является отсутствие четкой границы между «мягкой» и «жесткой силой»: ученые часто называют их «всеобъемлющей национальной силой», что вполне соответствует государственному курсу на сбалансированное увеличение всеобъемлющей национальной мощи.

Так же, как и китайские ученые, специалисты Японии ищут корни «мягкой силы» в истории страны, однако их поиски чаще всего не заходят глубже XX в. К концу Второй мировой войны Япония воспринималась не иначе как агрессивное милитаристское государство. Следствием поражения Японии стала статья 9 ее конституции 1947 г., содержавшая запрет на использование и угрозу применения силы в своей внешней политике. Из-за этих ограничений Япония была вынуждена перейти в международных отношениях к использованию принципа «мягкой силы». Данный концепт приобрел популярность в Японии благодаря статье американского журналиста Дугласа Макгрея, вышедшей в журнале «Foreign Policy» в 2002 г. От названия его статьи – «Японская валовая национальная крутость» («Japan's Gross National Cool») – пошел популярный лозунг «Cool Japan» («крутая Япония»). Согласно Макгрею, сегодняшняя Япония имеет гораздо большее культурное влияние, чем это было в 1980-х гг., когда она была экономической сверхдержавой. Популярностью пользуются манга⁵, анимэ, поп-музыка, бытовая электроника, мода, продукты питания. «Национальная крутость» – это своего рода «мягкая сила», напоминание о том, что коммерческие тренды и продукты, умеющие порождать их могут служить политическим и экономическим целям⁶.

¹ Период китайской истории с 722 по 481 гг. до н. э.

² Sun Sao-Cheng. "The Approaches of China's Soft Power Strategy." *WHAMPOA – An Interdisciplinary Journal* 61 (2011): 55.

³ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. № 6. С. 48.

⁴ Sun Sao-Cheng. *Op. cit.*, p. 56.

⁵ Манга – японские комиксы, один из основных сегментов японской массовой культуры, основа многих визуальных видов искусства. В современной форме начала развиваться после окончания Второй мировой войны, испытав сильное влияние западной традиции (сегодня своим визуальным рядом ориентированная на западного потребителя не в меньшей степени, чем на японского), однако в качестве жанра комикса имеет глубокие корни в более раннем японском искусстве.

⁶ McGray D. "Japan's Gross National Cool." *Foreign Policy*. N.p., 11 Nov. 2009. Web. 19 Jan. 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool>.

Рекламный плакат «Токийской Дизайнерской недели-2010», использующей слоган Cool Japan. Фото с сайта <http://www.pop-group.net/blog/nishiumi/2010/10/cool-japan-tokyo-conference.html>

Правительственный комитет по продвижению Cool Japan (изображен с символами Cool Japan – мангой, суши и тамагочи¹). Фото с сайта <http://en.rocketnews24.com/tag/cool-japan/>

Понятие «Cool Japan» было поддержано японскими учеными и политиками. Политики особенно заинтересовались освоением популярности японской поп-культуры для достижения политических целей. В апреле 2006 г. министр иностранных дел Японии Асо Таро предположил, что манга и аниме² могут быть путем к сердцу Китая. Впоследствии Асо Таро в своем программном выступлении в парламенте в январе 2007 г., принял японскую поп-культуру в качестве дипломатического инструмента. По иронии судьбы, слова из серии «cool», «fun», «hip» (модный) стали делом государственной важности³, чему способствовала тенденция современной японской литературы (поддерживаемой японским правительством) к производству и продвижению и японской поп-культуры в Восточной и Юго-Восточной Азии как формы продвижения японских ценностей.

При этом как в Японии, так и в Китае осознается усиления роли последнего, что в еще большей степени стимулирует имиджевую политику Японии на международной арене: «...вызов, брошенный Китаем, заставил японскую дипломатию осмыслить, что Япония может предложить миру сегодня. После «холодной войны» возможность использовать реальную военную или экономическую власть уменьшилась, большую роль стали играть такие инструменты, как культура и имидж»⁴.

Южная Корея исторически зажата в регионе, где три гиганта (Китай, Россия и Япония) противостоят друг другу. Этой стране было сложно развивать полноценную «жесткую силу», достаточную для защиты своих интересов. В начале XX в. Корея стала японской колонией. Со времени окончания Корейской войны (1950–1953) Южная Корея стремилась наращивать свою военную «жесткую силу», чтобы сдерживать агрессивную Северную Корею, и экономическую, чтобы увеличить экономический потенциал. Тем не менее, сегодня у этого государства есть все возможности развить свою «мягкую силу».

Корейские исследователи принимают теорию Дж. Най в целом, но нередко спорят с его утверждениями и пытаются дополнить его построения, исключив в них некоторые противоречия. Например, исследователь Сеульского национального университета Геун Ли разработал ресурсную теорию «мягкой силы». Он считает, что Дж. Най уделяет внимание, скорее, природе силы, нежели ресурсам; у него власть становится «мягкой» независимо от использованных ресурсов, что, по мнению корейского ученого, некорректно. Геун Ли называет «мягкими» ресурсами символические ресурсы для оказания влияния на других (идеи, образы теории, ноу-хау, образование, дискурсы, культура, традиции, национальные и глобальные символы и т.д.). Кроме того, он выделяет виды «мягкой силы» в зависимости от целей, так как существование «мягкой силы» самой по себе, по убеждению исследователя, бессмысленно. Среди возможных целей «мягкой силы» – улучшение внешней безопасности, мобилизация других стран, поддержание единства внутри страны и др.⁵

Особенностью дискурса «мягкой силы» в Южной Корее является включение в «мягкие» ресурсы коммерческих брендов: международный успешный экспорт корейской продукции превратил коммерческие бренды в аспект «мягкой силы» дипломатии Южной Кореи (чеболи⁶ Samsung, Hyundai Kia Automotive Group, и LG были приняты как мировые торговые марки). Кроме того, исследователи отмечают возможность обеспечения безопасности страны при помощи «мягкой силы», в частности, строительство архитектуры безопасности, основанной на «мягкой» сети⁷.

¹ Тамагочи – игрушка, виртуальный домашний питомец.

² Аниме – японская анимация, в отличие от мультфильмов других стран, предназначенных в основном для просмотра детьми, в большинстве своем рассчитанная на подростковую и взрослую аудиторию. Отличается характерной манерой отрисовки персонажей и фонов, издаётся в форме телесериалов, а также фильмов, распространяемых на видеоносителях или предназначенных для кинопоказа. Сюжеты могут описывать множество персонажей, отличаются разнообразием мест, эпох, жанров и стилей.

³ Peng Er Lam. "Japan's Quest for "Soft Power": Attraction and Limitation." *East Asia* 24 (2007):349–363. DOI 10.1007/s12140-007-9028-6. PDF-file. <http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf>.

⁴ Peng Er Lam. *Op. cit.* См. также: Heng Y-K. "Mirror, Mirror on the Wall, Who Is the Softest of Them All? Evaluating Japanese and Chinese Strategies in the 'Soft' Power Competition Era." *International Relations of the Asia-Pacific* 10.2 (2010): 275–304.

⁵ Lee G.A. *Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy*. N.d. PDF-file. <http://www.kiep.go.kr/include/filedown.jsp?fname=20081031_3_1%20Lee1.pdf&fbath=EngSeminar&NO=182817&FNO=138>.

⁶ Чеболи – крупная южнокорейская финансово-промышленная группа; представляет собой ряд формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определённых семей под единым финансовым и административным контролем.

⁷ Chun C. "Soft Power and South Korea's Foreign Policy: Security Policy and North Korea Strategy." *Diplomatic Strategy of Soft Power Seminar*. Jeju Peace Institute, 16 Oct. 2009. PDF-file. <<http://www.jpi.or.kr/skyboard/download.sky?fid=3379&gid=5309&code=jpiworld>>.

Реклама фестиваля Korean Wave («Корейская волна»).

Фото с сайта

<http://newintstudents.blogspot.ru/2013/09/kwave-festival.html>

В целом же исследование «мягкой силы» в Южной Корее ведется в русле двух других крупных дискуссий:

- 1) следует ли Южной Корее повышать свой статус, становясь более ответственным актором глобального сообщества? Южная Корея как процветающая страна может сосредоточиться на оказании помощи развивающимся странам;
- 2) окруженная сильными державами (Китаем, Россией, Японией), Южная Корея стремится сбалансировать свое отношение с ними, чтобы гарантировать свое выживание и процветание за счет активизации стратегической роли Южной Кореи в Северо-Восточной Азии¹, в том числе в трехсторонних отношениях: Южная Корея – Китай – Япония.

Ресурсами «мягкой силы» Южной Кореи признаются успешный опыт быстрой модернизации и демократизации, сильная экономика и, так называемые, «корейские волны» («hallyu»), отражающие популярность корейской культуры. Выделяются две группы целей политики «мягкой силы» Южной Кореи:

- 1) торгово-экономические (расширение международных рынков для экспорта, привлечение прямых иностранных инвестиций, привлечение туристов);
- 2) политические цели и цели безопасности.

В целом следует отметить, что из всех трех стран наибольшее внимание концепту «мягкой силы» уделяют китайские ученые. В свою очередь, и мировое академическое сообщество проявляет значительный интерес к исследованию «мягкой силы» Китая. Интерес этот не в последнюю очередь подогревается сохраняющимся интересом к «китайскому чуду»² – быстрому экономическому росту Китая и его экономической экспансией (например, в Африку³). Среди китайских же аналитиков встречаются те, кто полагает, что «мягкая сила» остается слабым звеном в достижении всеобъемлющей национальной мощи страны, несмотря на кропотливые усилия китайских ученых и стратегов⁴. Она в значительной степени воспринимается как «инструмент реализации оборонительных целей, таких как выстраивание лучшего образа Китая для внешнего мира, исправление заблуждений о Китае у других стран, защиты от нежелательного проникновения западной культуры и политики в Китай»⁵.

Китайские, японские и южно-корейские исследователи среди ресурсов «мягкой силы» важную роль отводят культуре. Если в Китае особый акцент делается на историческое и культурное наследие (философия, литература, этика, эстетика, воинская культура), а поп-культура осуждается, то Япония и Южная Корея особенно привлекательны для мира с точки зрения массовой культуры – «крутая Япония» (Cool Japan) и «корейская волна» (Korean Wave).

Культура не только играет роль потенциала «мягкой силы»: она является также и деятельностью, которой занимаются в рамках культурной дипломатии (обмены в области культуры, науки и искусства, образовательные программы, языковые курсы, спортивные события). Сама культурная дипломатия, а также дипломатия помощи, медиа-дипломатия, кибер-дипломатия являются составными частями **общественной дипломатии**.

Структура, составляющая элементы общественной дипломатии, во всех трех странах схожа. Ее составляют государственные органы (министерства иностранных дел, культуры, образования), специально созданные агентства и фонды, а также элементы гражданского общества. Общественная дипломатия включает в себя культурную дипломатию, которой в рассматриваемых странах занимаются Институт Конфуция (в 2013 г. – 440 отделений Института Конфуция и 656 классов Конфуция), Фонд Японии (22 офиса в 21 стране), Фонд Кореи (7 зарубежных офисов). Подчеркнем, что это не столько отличительная черта данных государств (за исключением, возможно, Китая, известного своими культуртрегерскими традициями⁶), сколько общепринятая мировая практика.

¹ Lee S.J. "South Korea's Soft Power Diplomacy." *EAI Issue Briefing No. MASI 2009-01*. EAI, 1 June 2009. PDF-file. <http://www.eai.or.kr/data/bbs/eng_report/200908061729956.pdf>.

² Среди последних не принадлежащих китайским авторам исследований данного явления упомянем следующие: Herr H. "Credit Expansion and Development – A Schumpeterian and Keynesian View of the Chinese Miracle." *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention* 7.1 (2010): 71–89; Bibow J. "How To Sustain the Chinese Economic Miracle." *Chinese Economy* 45.1 (2012): 46–73; Romero-Ávila D. "Is Physical Investment the Key to China's Growth Miracle?" *Economic Inquiry* 51.4 (2013): 1948–1971. Появляются, однако, и работы, содержащие критические взгляды в отношении существа и перспектив «китайского чуда», напр.: Rowley C. "China's Chimera: Miracle or Mirage in the 'Middle Kingdom'?" 16.3 (2010): 26–271; Koehler G. *China – An Economic Miracle Built on Sadness*. 2013. PDF-file. <http://www.networkideas.org/networkideas/pdfs/china_gabriele_koehler.pdf>; Bartolini S., Sarracino F. "The Dark Side of Chinese Growth: Explaining Decreasing Well-Being in Times of Economic Boom." *MPRA Paper No. 57765*, 2014. PDF-file. <http://www.econ-pol.unisi.it/bartolini/papers/MPRA_paper_57765.pdf>.

³ См., напр.: Fijałkowski Ł. "China's 'Soft Power' in Africa?" *Journal of Contemporary African Studies* 29.2 (2011): 223–232; Morgan W.J. "China's Aid and Soft Power in Africa: The Case of Education and Training: Book review." *International Journal of Continuing Education and Lifelong Learning* 6.2 (2014): 99–101; Wasserman H. *China's "Soft Power" and on Editorial Agendas in South Africa. Paper Presented at the International Conference China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy. 10–11 September 2014, Beijing*. PDF-file. <<http://www.cmi.no/file/2909-.pdf>>; Wagner J. "Going Out": Is China's Skillful Use of Soft Power in Sub-Saharan Africa a Threat to US Interests?" *Joint Force Quarterly* 64 (2012): 99–106.

⁴ См., напр.: Huang Y., Ding S. "Dragon's Underbelly: An Analysis of China's Soft Power." *East Asia* 23.4 (2006): 22–44; Mingjiang Li. "China Debates Soft Power." *The Chinese Journal of International Politics* 2.2 (2008): 287–308; Mingjiang Li. "Soft Power in Chinese Discourse: Popularity and Prospect." *RSIS Working Paper No. 165*. Singapore: Nanyang Technological University, 2008. PDF-file. <<https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/handle/10220/4552/WP165.pdf?sequence=1>>.

⁵ Mingjiang Li. "Soft Power in Chinese Discourse: Popularity and Prospect." *China's Emerging Strategy in International Politics*. Lanham and Plimouth: Lexington Books, 2011, p. 22.

⁶ См., напр.: Васильев Л.С. История Востока: В 3 т. М.: Высш. шк., 1994; Он же. Древний Китай: В 3 т. М.: Восточная литература РАН, 1995–2006; Жуков А.В., Жукова А.А. Рецепция идей и образов Китая номадами Забайкалья в период до российской колонизации // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 6–13.

Подобные организации имеются в Великобритании (Британский Совет), Германии (Институт Гёте), Испании (Институт Сервантеса), России (фонд «Русский Мир») и других странах. Различие между Японией, Китаем и Южной Кореей состоит в степени централизации структур общественной дипломатии. Наибольшая централизация характерна для Китая: там термин «общественная дипломатия» иногда переводится как «внешняя пропаганда», а сам процесс общения с зарубежной аудиторией рассматривается как централизованный, государственный. Однако даже в этой стране все больше признается, что сегодня в данный процесс должны вовлекаться негосударственные акторы. В отличие от Китая, в Японии правительство неохотно развивает общественную дипломатию. Кроме того, общественная дипломатия Японии исторически ориентирована на элиту (на эксклюзивные, ограниченные масштабы). В Корее признается, что сложностью при планировании стратегий общественной дипломатии является децентрализация: функции осуществления общественной дипломатии распределены по нескольким различным министерствам, некоторые функции принадлежат правительствам муниципального уровня¹.

Кроме вышеперечисленных фондов, культурную дипломатию осуществляют также в рамках программ:

- в Китае – «Путешествие в Китай в поисках своих корней» (Travel to China to Find Your Roots); выпускаются учебники о традициях и достижениях страны для увеличения гордости за страну² и др.;
- в Японии – «Программа развития международных связей путем приглашения молодежи зарубежных стран» (The Japan Exchange and Teaching, действует с 1987 г.). Также японские университеты привлекают иностранных студентов, предоставляя им стипендии, но возможности финансовой поддержки ограничены. Барьером является и необходимость освоения японского языка;
- в Южной Корее – институты изучения корейского языка – King Sejong Institute (назван в честь знаменитого царя, который изобрел хангыль, корейский алфавит); проект «Наслаждайтесь Тхэквондо»; стипендия «Глобальная Корея» для обучения иностранных студентов в Корее; программа «Campus Asia», цель которой – рекрутировать и обучать талантливые молодые умы из стран Азии.

Из трех названных государств Япония имеет самую долгую историю продвижения культуры в другие страны. Запоздывание Китая в продвижении своей культурной продукции связано с необходимостью решения первоочередных экономических целей, однако в настоящее время руководство страны решило ускоренными темпами улучшать имидж страны в мире, опираясь на культурную политику.

При этом современная культура в стратегиях «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи хотя и имеет в них свои отличительные черты, в равной степени демонстрирует весьма ограниченные пределы своего применения в качестве инструмента внешнеполитического влияния.

Китай. Здесь, несмотря на не прерывавшуюся на протяжении веков конфуцианскую традицию, а также культуру стратагемного типа мышления и практики³, высказывалось парадоксальное мнение о том, что традиционная китайская культура сыграла незначительную роль в увеличении «мягкой силы» Китая⁴ (которая автором данного утверждения воспринималась, по-видимому, исключительно как западный политико-культурный феномен). Вероятно, высказывая подобного рода мысль, авторитетный китайский исследователь имел в виду прозападный характер современного китайского общества, особенно молодого поколения. Одновременно, хотя китайская культура в целом и культурные памятники Китая остаются привлекательными даже для тех, кто говорит о «китайской угрозе», данный термин не уходит из дискурса региональной и глобальной безопасности, а социально-экономические инструменты влияния (прежде всего, трудовая миграция) оказываются гораздо более действенным фактором китайской внешней политики.

Япония. Аниме, манга и косплей⁵, безусловно, пользуются популярностью в молодежной среде далеко за пределами Японии, однако эти явления современной масс-культуры оказываются бессильны перед т.н. *войнами памяти* между Китаем и Японией. Так, увлечение аниме не остановит возмущения китайцев действиями японского премьер-министра, посещающего храм Ясукуни, чтобы почтить души 2,5 млн. ветеранов, включая японских военачальников, командовавших в первой половине XX в. зверскими расправами и чудовищными экспериментами над китайским населением, и японских солдат, активно участвовавших в этих военных преступлениях⁶.

Южная Корея. Южно-корейские аналитики признают, что несмотря на популярность корейской культуры, государству не удалось с ее помощью решить внешнеполитические задачи (например, официально присоединить острова Лянкун, являющиеся спорной территорией между Южной Кореей и Японией)⁷.

¹ Ma Young Sam, Song Jung-he, Moore D. "Korea's Public Diplomacy: A New Initiative for the Future." *The Asian Institute for Policy Studies*. 21 Dec. 2012. PDF-file. <<http://en.asaninst.org/wp-content/uploads/2013/10/20121221163140FDFF775FF865B6F3FE03803A3D455D6A-x.pdf>>.

² Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. 2013. Сер. 3. № 2. С. 56.

³ См., напр.: Mahnken T.G. *Secrecy and Stratagem: Understanding Chinese Strategic Culture*. Lowy Institute for International Policy and McArthur Foundation, 2011. PDF-file. <http://apo.org.au/files/Resource/mahnken_secrecy_and_stratagem.pdf>; Gilboy G.J., Heginbotham E. *Chinese and Indian Strategic Behavior: Growing Power and Alarm*. Cambridge University Press, 2012. PDF-file. <[http://userbooks.bookfi.org/1/9e428fac91e05eb0cad4c993143eb099/_as/\[George_J._Gilboy,_Eric_Heginbotham\]_Chinese_and_I\(BooKFi.org\).pdf](http://userbooks.bookfi.org/1/9e428fac91e05eb0cad4c993143eb099/_as/[George_J._Gilboy,_Eric_Heginbotham]_Chinese_and_I(BooKFi.org).pdf)>; Xuetong Y. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Eds. D. Bell, and Z. Sun. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2011.

⁴ Mingjiang Li. "Domestic Sources of China's Soft Power Approach." *China Security* 5.2 (2009): 55–70.

⁵ Косплей (яп. косупурэ, сокр. от англ. costume play – «костюмированная игра») – форма воплощения действия, совершаемого на экране. Современный косплей возник в Японии в среде фанатов аниме и манги. Основными прототипами костюмированной игры являются персонажи мультфильмов, аниме, видеоигр, фильмов, комиксов, легенд и мифов. Также прототипами могут являться реально существующие персоны из мира музыки и других сфер деятельности.

⁶ Yoshiko N. "Shared Memories. Japanese Pop Culture in China." *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. New York: An East Gate Book, 2008, pp. 111–127.

⁷ Janelli R.L., Yim D. "Soft Power, Korea, and the Politics of Culture." *Institute of East Asian Studies*. Berkeley: University of California, 2007. PDF-file. <http://ieas.berkeley.edu/events/pdf/2007.10.05_Janelli_and_Yim.pdf>.

Таким образом, хотя культура считается основным ресурсом «мягкой силы», она не всегда является достаточно эффективной, в том числе, когда имеются сильные политические или социокультурные противоречия. Кроме того, культурные стратегии – стратегии слишком долгосрочные, чтобы ожидать быстрых результатов влияния культуры на политическую сферу. В то же время в случае Японии и Кореи существует вероятность, что иностранная молодежь, выросшая на J-Cool и Korean Waves, будет более лояльна к данным государствам, а в случае Китая – что культуртрегерская деятельность Института Конфуция обеспечит лояльность к китайской версии региональной истории.

Помимо культурных стратегий восточноазиатские государства развивают и другие направления общественной дипломатии для увеличения своей «мягкой силы». Так, Китай настойчиво проводит политику завоевания мировой аудитории при помощи СМИ. Высказывается мнение, что КНР как растущей силе необходимо приобрести власть дискурса (*hua yu quan*)¹. Тем самым китайские практики отклоняются от прямого воспроизведения рецептов Дж. Найа, дополняя его теорию пунктом «**влияние масс-медиа**».

И Китай, и Япония, и Южная Корея освоили **дипломатию помощи**. Последняя включает в себя кризисную дипломатию, предоставление гуманитарной, медицинской, образовательной, экономической, технологической помощи, а также помощи в виде передачи опыта. Китай при оказании помощи часто руководствуется экономическими соображениями, не вмешиваясь (по крайней мере, открыто) во внутренние дела государств – адресатов помощи, не выдвигает политических требований. Южная Корея так же, как и Китай, пока не выдвигала в качестве условия оказания помощи подобного рода требования, в том числе и требования соблюдения прав человека.

Кроме того, существуют и иные специфические виды дипломатии, например, **научная и технологическая**, активно осваиваемая Японией, где помимо этого сложилась еще и **императорская дипломатия** (с 70-х гг. XX в. семья императора позиционируется как знак мира и инструмент публичной дипломатии). На рубеже XX и XXI вв. Китай с его динамично развивающейся системой университетов, начал проводить **образовательную дипломатию**.

В целом же предоставление помощи, оценка экономического влияния стран в работах, посвященных исследованию «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи, важны с точки зрения теоретического и стратегического определения данного концепта. Экономика в этом случае оказывается своего рода пограничной областью между «жесткой» и «мягкой» силами. Так, Дж. Най, впервые вводя термин «мягкая сила», исключил из его определения инвестиции и оказание помощи как более традиционные формы воздействия. Однако в дальнейшем он признал, что «экономическая сила – сложная сила, она соблазняет настолько, насколько принуждает... Успешная экономика является очень важным источником привлечения»².

В отношении Китая как нельзя ярче проявляется ситуативный характер «мягкой силы»: в одних частях мира его **политические ценности и внешняя политика** привлекательны, а в других – нет. Сами китайские исследователи склонны подчеркивать относительный характер идеологии и культуры, в то время как, например, американские работы по «мягкой силе» обычно весьма жестко ориентированы на пропаганду государственной идеологии и общественно-политического устройства.

Китай пока открыто не презентует свою политическую систему в качестве модели для подражания, опасаясь бросать прямой вызов Западу. Тем не менее, в некоторых частях Азии, Африки и Латинской Америки все более очевидным становится интерес к идее «Пекинского консенсуса» (термин введен американским политологом Джошуа Купером Рамо, альтернатива Вашингтонскому консенсусу)³. Привлекательность этого концепта дает основание утверждать существование пассивной «мягкой силы»: для «недемократического» мира важно то, что «Китай делает это по-своему». И он «по-своему» последовательно действует в направлении увеличения моральной власти («веса») в международных отношениях, в частности, стремясь внести в них нормативный вклад провозглашением так называемых пяти принципов мирного сосуществования: *xin anquan guan* (новая концепция безопасности, безопасность на основе сотрудничества), *guoji guanxi minzhu hua* (демократизация международных отношений), гармоничное общество, уважение культурного разнообразия в мировых делах, предоставление экономической помощи без политических условий⁴.

Отметим здесь, что различны не только особенности применения «мягкой силы» тремя рассматриваемыми восточноазиатскими государствами – различно и восприятие их мировым сообществом, точнее, их имидж «в глазах» последнего.

Так, в случае КНР существуют различия в восприятии Китая как государства и Китая как синонима китайского общества, точнее – в данном случае, – китайской культуры. Согласно результатам исследования Чикагского совета исследования глобальной политики, китайскую культурную традицию западная общественность, как правило, почитает и восхищается ими, политика же и управление в Китае (как традиционные, так и современные) ценятся не столь высоко⁵. Китайское государство чаще всего подвергается критике за нарушение прав человека де-факто (де-юре правительство КНР приняло «Государственный план действий по правам человека в Китае», в котором определены цели работы центральных властей в области прав человека и конкретные меры по их защите).

За почти 70 послевоенных лет на Западе сложился образ Японии как миролюбивой страны, успешно пережившей демократические ценности. Однако, в отличие от США, Япония пока еще не стала транслятором универсальных ценностей и идеалов, примером для подражания в области демократии и прав человека. Виной тому ее имперское прошлое и ущемление прав некоторых этнических и социальных меньшинств (например,

¹ Wey-Shen Siow M. "Chinese Domestic Debates on Soft Power and Public Diplomacy." *Asia Pacific Bulletin* 86 (2010). PDF-file <http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb086_3.pdf>.

² Nye J.S. "Think Again: Soft Power." *Foreign Policy*. N.p., 23 Feb. 2006. Web. 8 Aug. 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2006/02/22/think_again_soft_power>.

³ Hongmei L., Tang L. "Chinese Corporate Diplomacy: Huawei's CSR Discourse in Africa." *Soft Power in China: Public Diplomacy through Communication*. Ed. J. Wang. New York: Palgrave Macmillan, 2011, p. 96.

⁴ *Proceedings of the Conference "Korea's Soft Power and East Asia" (30 Nov. 2010, Seoul)*. Seoul: The Brookings Institution, Center for Northeast Asian Policy Studies, Center for International Development, Korea Development Institute, 2011. PDF-file. <http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf>.

⁵ Wang J. "Introduction: China's Search on Soft Power." *Soft Power in China...*, p. 5.

выходцев из бывших колониальных владений Японии, буракуминов¹ и проч.). Кроме того, высказываются опасения в отношении, с одной стороны, излишней элитарности высших кругов Страны восходящего Солнца, с одной стороны, излишней подчиненности этих кругов США².

Между тем, в своей внешней политике Япония с 1970-х гг. делает ставку на отношение именно с Соединенными Штатами (альянс Япония – США – краеугольный камень японской внешней политики) и АСЕАН. В своих отношениях с АСЕАН Япония руководствуется доктриной Фукуда (по имени японского премьер-министра 1976–1978 гг.), гласящей, что Япония не станет военной державой; она будет сотрудничать со странами АСЕАН как с равноправными партнерами. Однако «мягкая сила» Японии в регионе стала пропадать вместе с исчезновением экономических успехов Японии³. Одновременно ограничением для Японии является стремительно растущая конкуренция со стороны двух гигантов Азии – Китая и Индии.

Южная Корея, как и Япония, сумела развить демократическую политическую систему. Препятствием к уверенному политическому курсу являются проблемы в политической системе: отчет Фонда «Хансум» присвоил Южной Корее 16-е место среди стран «Большой Двадцатки» в сфере эффективности законодательных действий, а также 17-е в вопросах политической стабильности и эффективности⁴.

Корея воспринимается западным сообществом как государство, имеющее среднюю степень силы («middle power»), она и не надеется соперничать с главными державами («major powers») – Китаем и Японией – с позиции «жесткой силы» (в формате военной и экономической конкуренции). Положительным при этом является то, что и Китай, и Япония оценивают Южную Корею более позитивно, нежели друг друга⁵ (отчего Южная Корея оказывается и для КНР, и для Японии «третьей силой», уравнивающей возможный региональный дисбаланс). В корейской академической среде ведутся дискуссии о том, что может предложить страна северо-восточноазиатскому региону, ведь ее политическая система и ценности ближе к японским и весьма далеки от северокорейских и китайских. В Южной Корее признается необходимость принятия страной роли арбитра / посредника: чтобы приобрести «мягкую силу», нужны инвестиции в региональные или глобальные общественные блага⁶. В настоящее время Южная Корея следует принципам «дипломатии ответственности», в рамках которой «мягкая сила» рассматривается как инструмент внешней политики. Естественно, «дипломатия ответственности» имеет под собой сугубо прагматические интересы – увеличение региональной и глобальной значимости страны и обеспечение энергоресурсами.

В аналитических работах, посвященных политике «мягкой силы» всех трех государств (Китай, Японии и Южной Кореи), неизменно встречаются и разделы, освещающие деятельность стран в различных международных организациях и форумах (ШОС, АСЕАН, G-20 и др.). По этой активности азиатскими исследователями делаются выводы о потенциале нормативной силы, статусе государства, а также о намечаемой ими «повестке дня».

В целом можно констатировать, что во всех рассматриваемых странах признается важность разработки стратегий «мягкой силы», необходимых для успешной конкуренции в регионе и на международной арене. Китайские, японские и южно-корейские исследователи «мягкой силы», оставаясь в концептуальных рамках, заданных Дж. Наем, творчески осмысливают и дополняют разработанную им теорию, адаптируя данный концепт под нужды своего государства. В практическом же отношении, хотя изначально предполагалось, что «мягкая сила» должна использоваться для реализации исключительно внешнеполитических интересов, ее все чаще используют в качестве инструмента достижения торгово-экономических и внутривнутриполитических целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. № 6. С. 41–60.
2. Васильев Л.С. Древний Китай: В 3 т. М.: Восточная литература РАН, 1995–2006.
3. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. М.: Высшая школа, 1994.
4. Жуков А.В., Жукова А.А. Рецепция идей и образов Китая номадами Забайкалья в период до российской колонизации // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 6–13.
5. Най Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи [Электронный ресурс] // Project syndicate. 2009. 10 ноября. Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian>.
6. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. 2013. Сер. 3. № 2. С. 52–56.
7. Bartolini S., Sarracino F. "The Dark Side of Chinese Growth: Explaining Decreasing Well-Being in Times of Economic Boom." *MPRA Paper No. 57765*, 2014. PDF-file. <http://www.econ-pol.unisi.it/bartolini/papers/MPRA_paper_57765.pdf>.
8. Bibow J. "How To Sustain the Chinese Economic Miracle." *Chinese Economy* 45.1 (2012): 46–73.
9. Cabalza C.B. "Is [South] Korea Open for Soft Power Diplomacy?." *Executive Policy* 1.13 (2011): 1–4.
10. Chun C. "Soft Power and South Korea's Foreign Policy: Security Policy and North Korea Strategy." *Diplomatic Strategy of Soft Power Seminar*. Jeju Peace Institute, 16 Oct. 2009. PDF-file. <<http://www.jpi.or.kr/skyboard/download.sky?fid=3379&gid=5309&code=jpiworld>>.

¹ Буракумины – одно из японских социальных и т.н. территориальных меньшинств, потомки представителей особой средневековой касты «эта», члены которой занимались забоем скота, выделкой кож, были мусорщиками и занимались другими грязными работами. Все эти виды деятельности считались «нечистыми», и выполнявшие их проживали на строго регламентированных отдельных от остальных каст территориях (что в условиях жесткой традиционной японской системы регистрации по месту жительства позволяло определять происхождение каждого жителя островов) и были существенно ограничены в правах (так, им было запрещено вступать в брак с представителями иных сословий). Формальная отмена кстовой системы в Японии в 1871 г. фактически не повлияла на реальный социальный статус буракуминов.

² Matsuda T. *Soft Power and Its Perils: U.S. Cultural Policy in Early Postwar Japan and Permanent Dependency*. Washington, DC and Stanford, CA: Woodrow Wilson Center Press and Stanford University Press, 2007.

³ Konishi W. "Same Bed, Different Dreams: China and Japan as Soft-Power Rivals." *Asia Policy* 15 (2013): 143.

⁴ Най Дж. Растущая мягкая сила Южной Кореи [Электронный ресурс] // Project Syndicate. 2009. 10 ноября. Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian>.

⁵ Cabalza C.B. "Is [South] Korea Open for Soft Power Diplomacy?." *Executive Policy* 1.13 (2011): 1–4.

⁶ Lee S.J. *Op. cit.*

11. Gilboy G.J., Heginbotham E. *Chinese and Indian Strategic Behavior: Growing Power and Alarm*. Cambridge University Press, 2012. PDF-file. <[http://userbooks.bookfi.org/1/9e428fac91e05eb0cad4c993143eb099/_as/\[George_J._Gilboy,_Eric_Heginbotham\]_Chinese_and_\(BookFi.org\).pdf](http://userbooks.bookfi.org/1/9e428fac91e05eb0cad4c993143eb099/_as/[George_J._Gilboy,_Eric_Heginbotham]_Chinese_and_(BookFi.org).pdf)>.
12. Fijałkowski L. "China's 'Soft Power' in Africa?" *Journal of Contemporary African Studies* 29.2 (2011): 223–232.
13. Heng Y.-K. "Mirror, Mirror on the Wall, Who Is the Softest of Them All? Evaluating Japanese and Chinese Strategies in the 'Soft' Power Competition Era." *International Relations of the Asia-Pacific* 10.2 (2010): 275–304.
14. Herr H. "Credit Expansion and Development – A Schumpeterian and Keynesian View of the Chinese Miracle." *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention* 7.1 (2010): 71–89.
15. Hongmei L., Tang L. "Chinese Corporate Diplomacy: Huawei's CSR Discourse in Africa." *Soft Power in China: Public Diplomacy through Communication*. Ed. J. Wang. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
16. Huang Y., Ding S. "Dragon's Underbelly: An Analysis of China's Soft Power." *East Asia* 23.4 (2006): 22–44.
17. Janelli R.L., Yim D. "Soft Power, Korea, and the Politics of Culture." *Institute of East Asian Studies*. Berkeley: University of California, 2007. PDF-file. <http://ieas.berkeley.edu/events/pdf/2007.10.05_Janelli_and_Yim.pdf>.
18. Koehler G. *China – An Economic Miracle Built on Sadness*. 2013. PDF-file. <http://www.networkideas.org/networkideas/pdfs/china_gabriele_koehler.pdf>.
19. Konishi W. "Same Bed, Different Dreams: China and Japan as Soft-Power Rivals." *Asia Policy* 15 (2013): 127–154.
20. Lee G.A. *Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy*. N.d. PDF-file. <http://www.kiep.go.kr/include/filedown.jsp?fname=20081031_3_1%20Lee1.pdf&fpath=EngSeminar&NO=182817&FNO=138>.
21. Lee S.J. "South Korea's Soft Power Diplomacy." *EAI Issue Briefing No. MASI 2009-01*. EAI, 1 June 2009. PDF-file. <http://www.eai.or.kr/data/bbs/eng_report/200908061729956.pdf>.
22. Ma Young Sam, Song Jung-he, Moore D. "Korea's Public Diplomacy: A New Initiative for the Future." *The Asian Institute for Policy Studies*. 21 Dec. 2012. PDF-file. <<http://en.asianinst.org/wp-content/uploads/2013/10/20121221163140FDF775FF865B6F3FE03803A3D455D6A-x.pdf>>.
23. Mahnken T.G. *Secrecy and Stratagem: Understanding Chinese Strategic Culture*. Lowy Institute for International Policy and McArthur Foundation, 2011. PDF-file. <http://apo.org.au/files/Resource/mahnken_secrecy_and_stratagem.pdf>.
24. Matsuda T. *Soft Power and Its Perils: U.S. Cultural Policy in Early Postwar Japan and Permanent Dependency*. Washington, DC and Stanford, CA: Woodrow Wilson Center Press and Stanford University Press, 2007.
25. McGray D. "Japan's Gross National Cool." *Foreign Policy*. N.p., 11 Nov. 2009. Web. 19 Jan. 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool>.
26. Mingjiang Li. "China Debates Soft Power." *The Chinese Journal of International Politics* 2.2 (2008): 287–308.
27. Mingjiang Li. "Domestic Sources of China's Soft Power Approach." *China Security* 5.2 (2009): 55–70.
28. Mingjiang Li. "Soft Power in Chinese Discourse: Popularity and Prospect." *RSIS Working Paper No. 165*. Singapore: Nanyang Technological University, 2008. PDF-file. <<https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/handle/10220/4552/WP165.pdf?sequence=1>>.
29. Mingjiang Li. "Soft Power in Chinese Discourse: Popularity and Prospect." *China's Emerging Strategy in International Politics*. Lanham and Plimouth: Lexington Books, 2011.
30. Morgan W.J. "China's Aid and Soft Power in Africa: The Case of Education and Training: Book Review." *International Journal of Continuing Education and Lifelong Learning* 6.2 (2014): 99–101.
31. Nye J. "Soft Power." *Foreign Policy* 8 (1990): 153–171.
32. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990.
33. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.
34. Nye J. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011.
35. Nye J.S. "Think Again: Soft Power." *Foreign Policy*. N.p., 23 Feb. 2006. Web. 8 Aug. 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2006/02/22/think_again_soft_power>.
36. Peng Er Lam. "Japan's Quest for 'Soft Power': Attraction and Limitation." *East Asia* 24 (2007): 349–363. DOI 10.1007/s12140-007-9028-6. PDF-file. <http://www.corneredangel.com/amwess/papers/Japan_soft_power.pdf>.
37. *Proceedings of the Conference "Korea's Soft Power and East Asia"* (30 Nov. 2010, Seoul). Seoul: The Brookings Institution, Center for Northeast Asian Policy Studies, Center for International Development, Korea Development Institute, 2011. PDF-file. <http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf>.
38. Romero-Ávila D. "Is Physical Investment the Key to China's Growth Miracle?" *Economic Inquiry* 51.4 (2013): 1948–1971.
39. Rowley C. "China's Chimera: Miracle or Mirage in the 'Middle Kingdom'?" 16.3 (2010): 26–271.
40. Sun Sao-Cheng. "The Approaches of China's Soft Power Strategy." *WHAMPOA – An Interdisciplinary Journal* 61 (2011): 53–64.
41. Wagner J. "Going Out": Is China's Skillful Use of Soft Power in Sub-Saharan Africa a Threat to US Interests?" *Joint Force Quarterly* 64 (2012): 99–106.
42. Wasserman H. *China's "Soft Power" and on Editorial Agendas in South Africa. Paper Presented at the International Conference China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy. 10–11 September 2014, Beijing*. PDF-file. <<http://www.cmi.no/file/2909-.pdf>>.
43. Wey-Shen Siow M. "Chinese Domestic Debates on Soft Power and Public Diplomacy." *Asia Pacific Bulletin* 86 (2010). PDF-file <http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb086_3.pdf>.
44. Womack B. "Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power." *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. N.p., 16 Nov. 2005. Web. 1 Aug. 2014. <<http://www.japanfocus.org/-Brantly-Womack/1975>>.
45. Xuotong Y. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Eds. D. Bell, and Z. Sun. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2011.
46. Yoshiko N. "Shared Memories. Japanese Pop Culture in China." *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. New York: An East Gate Book, 2008, pp. 111–127.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Ковба, Д. М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами / Д.М. Ковба // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 111—118. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st4-18.2014.52